

НОВАТОРСКОЕ СЛОВО АКАДЕМИКА И.М. РАГИМОВА

**И.М. Рагимов. О НРАВСТВЕННОСТИ НАКАЗАНИЯ / предисл.
Х.Д. Аликперова. СПб.: Изд-во «Юридический центр», 2016. — 224 с.**

© 2023 г. Ж. Т. Тощенко

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

E-mail: zhantosch@mail.ru

Поступила в редакцию 19.05.2023 г.

Аннотация. Хотим сразу отметить, что мы имеем дело с произведением доктора юридических наук, профессора, иностранного члена РАН И.М. Рагимова, заслуженного юриста Азербайджанской Республики, в котором он предлагает поразмышлять над этой важной и практически неразработанной проблемой — о соотношении нравственности и наказания — не только юристам, но и широкому кругу представителей всех социальных и гуманитарных наук. И даже больше — всем читателям, так или иначе заинтересованным в познании права и такой его важной проблемы, как природа наказания. Особенно важно это для массовой аудитории, так как книга написана хорошим русским литературным языком, которым доходчиво и понятно изложены непростые юридически сложные проблемы. Обычно в обществоведческой литературе анализируется соотношение права и морали в плане того, как и по каким основаниям они различаются между собой. Показывается, как их взаимосвязь менялась в течение того или иного исторического периода, у того или иного народа, и как это отражалось в законодательстве.

И.М. Рагимов предлагает уникальную идею — рассмотреть проблемы нравственности самого наказания, пределы его понимания, возможного толкования и использования при самых разнообразных обстоятельствах. Эта новаторская идея, на наш взгляд, восходит к такому же подходу в праве, который в свое время в начале XX в. заложили русские юристы — Б.А. Кистяковский, Н.М. Коркунов, П.И. Новгородцев и др., обратившие внимание на то, почему правовые акты не отражаются в умах и сознании людей и почему многие законы остаются формальными документами и остаются уделом только самих законодателей. Иными словами, те, кто имеет дело с принятием законов, должны знать, как они доходят и фиксируются в общественном сознании и поведении.

Цель настоящей рецензии — дать анализ этого феномена на основе такого важного научного и прикладного понятия, как «общественный договор», который упоминается в монографии, но лишь с определенных позиций. Именно на нем с учетом философского, социологического, социально-психологического подхода мы и сосредоточим свое внимание.

Ключевые слова: И.М. Рагимов, о соотношении нравственности и наказания, природа наказания, проблемы нравственности наказания, пределы его понимания, возможного толкования и использования при самых разнообразных обстоятельствах; общественный договор.

Цитирование: Тощенко Ж. Т. Новаторское слово академика И.М. Рагимова И.М. Рагимов. О нравственности наказания / предисл. Х.Д. Аликперова // Государство и право. 2023. № 6. С. 198–202.

DOI: 10.31857/S102694520025953-9

THE INNOVATIVE WORD OF ACADEMICIAN I.M. RAGIMOV

I.M. Ragimov. ON THE MORALITY OF PUNISHMENT / foreword by Kh. J. Alikperov. St. Petersburg: Publishing house “Law Center”, 2016. – 224 pp.

© 2023 Zh. T. Toshchenko

Russian State University for the Humanities, Moscow

E-mail: zhantosch@mail.ru

Received 19.05.2023

Abstract. We would like to note right away that we are dealing with the work of Doctor of Law, Professor, foreign member of the Russian Academy of Sciences I.M. Ragimov, Honored Lawyer of the Republic of Azerbaijan, in which he offers to reflect on this important and practically undeveloped problem – the relationship between morality and punishment – not only to lawyers, but also to a wide range of representatives of all social and humanitarian sciences. And even more – to all readers, one way or another interested in the knowledge of law and such an important problem as the nature of punishment. This is especially important for a mass audience, since the book is written in a good Russian literary language, which clearly and clearly sets out difficult legally complex problems.

Usually in the social science literature, the relationship between law and morality is analyzed in terms of how and on what grounds they differ from each other. It shows how their interrelationship changed during a particular historical period, among a particular people, and how this was reflected in legislation.

I.M. Ragimov offers a unique idea – to consider the problems of morality of punishment itself, the limits of its understanding, possible interpretation and use under a variety of circumstances. This innovative idea, in our opinion, goes back to the same approach in law, which was laid down by Russian lawyers at the beginning of the twentieth century – B.A. Kistyakovsky, N.M. Korkunov, P.I. Novgorodtsev et al, who drew attention to why legal acts are not reflected in the minds and consciousness of people and why many laws remain formal documents and remain the lot of only the legislators themselves. In other words, those who deal with the adoption of laws should know how they reach and are fixed in the public consciousness and behavior.

The purpose of this review is to analyze this phenomenon on the basis of such an important scientific and applied concept as “social contract”, which is mentioned in the monograph, but only from certain positions. It is on him, taking into account the philosophical, sociological, socio-psychological approach, that we will focus our attention.

Key words: I. M. Ragimov, on the relationship between morality and punishment, the nature of punishment, the problems of morality of punishment, the limits of its understanding, possible interpretation and use in a variety of circumstances; social contract.

For citation: Toshchenko, Zh. T. (2023). The innovative word of Academician I.M. Ragimov

I.M. Ragimov. On the morality of punishment / foreword by Kh. J. Alikperov // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 198–202.

Напомним, что идеи общественного договора начали разрабатывать философы эпохи Просвещения, обратив внимание на то, что помимо официальных документов, регулирующих взаимоотношения власти и народа, есть латентные, неписанные, но действующие основы доверия, согласия и взаимной поддержки, без которых невозможно существование ни государства, ни общества. Именно с позиций общественного договора рассмотрим идеи рецензируемой монографии.

Прежде всего остановимся на роли информации, или точнее – информирования людей по поводу наказания. В книге формулируется оригинальное заключение: наказание – не только правовая проблема, а в первую очередь проблема нравственная, «хотя и очень давно человечество задавалось вопросом: нравственно ли наказывать». По утверждению автора, нравственность «непосредственно не может быть закреплена

в законе, но нравственные нормы должны быть положены в основу наказания и его исполнения» (с. 35).

При размышлении о соотношении нравственности и наказания автор делает парадоксальный на первый взгляд вывод: «чем меньше социум будет информирован о наказании (к примеру, о его виде, сроках, суровости режима отбывания и т.д.) за то или иное деяние, тем меньше таких деяний будет в обществе». Аргументируя это умозаключение, он в числе других суждений приводит довод, что «в Японии издревле руководствовались известным конфуцианским принципом: “Народ не должен знать законов, но лишь подчиняться им”. Иными словами, неизвестность и неизбежность грядущего наказания сильнее удерживают от совершения преступления, чем само наказание» (с. 52). И в подтверждение своего вывода считает, что рассматриваемый феномен скорее всего базируется на

генетической памяти человека о самосдерживании (самоограничении): «неизвестность грядущего наказания удерживает от совершения преступления сильнее, чем точное знание определенного наказания».

Эта оригинальная мысль, на наш взгляд, все же требует уточнения. В монографии приводится высказывание Т. Гоббса: «понятность закона зависит не столько от изложения самого закона, сколько от объявления причин и мотивов его издания» (с. 99). Есть все же и другая не менее важная сторона информации, не менее значимая, чем собственно правовая, которая сводится к знанию о видах, сроках, суровости наказания и о режиме его отбывания. Речь идет о социальной информации, когда на уровне более широкого видения, а именно с позиций общественного договора, преобладает позиция *о неотвратимости наказания*. Именно усвоение информации о том, что зло неотвратимо наказуемо, и является нравственным предостережением от свершения преступления и его наказания. В этой ситуации необязательно (а может, и не нужно) знать о конкретных наказаниях за тот или иной проступок. Поэтому и для массовой аудитории, и особенно во время т.н. правовой профилактики (правового просвещения) в школах и других учебных заведениях, нравственную роль выполняет не столько знание о конкретных формах наказания, сколько сам факт неотвратимости наказания, что должно сопровождать людей (или подавляющее число из них) всю жизнь. Об этом говорят ученые, как, например Б.С. Волков: «Мысль о наказании, если даже не уничтожает намерение совершить преступление, во всех случаях играет роль противодействующего стимула» (с. 123). Вывод И.М. Рагимова весьма важен в том плане, какую информацию мы доводим до общества, в том числе и до молодежи, насколько правильно построены программы по массовому правовому просвещению и правовой информированности. Иными словами, речь идет *о дозировании, дифференциации правовой информации* и ее разных аспектов с учетом специфики аудитории.

Поэтому, по нашему мнению, если подойти с позиций общественного договора, мы нередко обнаруживаем несовпадение позиций государства и народа по отношению к наказанию с позиций нравственности, так как информация о наказаниях, доводимая от имени власти до населения, имеет скорее осведомительный характер, что мало сказывается на предупреждении нарушений (преступлений). Все же этой информации требуется придавать видение и осознание социальных и нравственных последствий противоправных и нравственных проступков, на что и обращается внимание в монографии.

Не менее важна и такая проблема. В монографии в большинстве случаев слово «наказание» так или иначе связано с применением правовых мер (способов) и особенно с уголовным наказанием. Но наказание ведь применяется и используется в широком контексте — есть наказание в семье, на производстве и в быту, общественное наказание и порицание, есть и религиозное наказание. Этим формам наказания автор уделяет внимание в основном тогда, когда речь идет об исторической эволюции представлений о наказании и когда анализируется опыт многих государств. Как представляется, такие виды наказания необходимо рассматривать отдельно, под другим углом зрения, что достаточно успешно делают и используют философы, психологи, социологи, анализирующие проблемы семьи, труда, культуры и религии и т.д. Именно применительно к этим сферам жизненного мира людей возможно и применение таких феноменов, как общественное порицание, самонаказание в виде раскаяния и покаяния.

Но так как И.М. Рагимов сосредоточивает внимание на уголовном наказании, то именно этому и уделим внимание.

Отметим, что автор считает утопией полный отказ от наказания как важного средства борьбы с преступностью. «Либерализм уголовной политики, — пишет он, — имеет свои пределы, переход за грани которых сопровождается деструктивными последствиями для человека, общества и государства. Иное дело — регулирование боли, которое становится важным вопросом с нравственной точки зрения». Он полагает, что такое регулирование реально возможно, к примеру, путем постепенного перехода к принятию альтернативных мер некарательного воздействия, одновременного ограничения применения уголовных наказаний, в особенности в виде лишения свободы. В этой связи подробно анализируются такие формы воздействия, как возмездие, устрашение, принуждение.

Именно здесь возникает проблема *мер*, которая достаточно основательно разработана в философской литературе, но которая в монографии фигурирует под названием регулирование, дозирование. На наш взгляд, использование понятия меры как единства количественных и качественных показателей (характеристик) позволяет более точно определить их соотношение при определении наказания, в том числе и при учете его нравственного значения. Напомним, в античной мифологии символом меры была богиня Немезида, изображавшаяся с весами в руках (она присутствует на каждой странице книги), поскольку она выполняла функции кары и возмездия за преступные деяния. При этом она почиталась как богиня справедливости, равенства и как устроительница общественного порядка. Об этом диалектическом единстве и противоречии автор напоминает неоднократно.

Рассматривая исторический ракурс этой проблемы, И.М. Рагимов убедительно говорит, что «наказание появляется у всех народов и во все времена с первыми же зачатками организованного общежития» (с. 36). И в то же время отмечает, что в процессе длительного развития «наказание переставало играть роль охраны, защиты обычаев, традиций, верований от опасных посягательств, а становилось средством мести, принадлежащим не общине, а частным лицам, потерпевшим от опасных для жизни деяний, то есть, на современном юридическом языке, — от преступлений» (с. 44).

И вот здесь возникает трактовка справедливости, которой в общественном договоре Руссо и Монтескье уделяется особое внимание. Автор больше говорит о справедливости наказания. Но нам хочется обратить внимание на более широкую трактовку, разное понимание и разное отношение как со стороны государства, так и народа. Собственно, и нынешние социологические исследования в российском обществе отчетливо фиксируют значение справедливости для общественной и личной жизни людей. И именно здесь имеются разногласия между официальными органами и населением по поводу разных подходов как к соблюдению справедливости во всех аспектах жизни людей, так и к наказанию. Это касается многих проблем, в которых проявляется несогласие и проявление точек напряженности: плоской или прогрессивной шкалы налогов, коррупции в обществе и применения смертной казни и ряда других вопросов. Расхождения по этим проблемам нередко значительны как с правовой, так и нравственной точки зрения.

Привлекает внимание утверждение автора: на применение наказания — и об этом говорят положения общественного договора — в значительной мере влияет призма национальных и религиозных (конфессиональных) ценностей, которые во многом зависят от сложившихся традиций, специфики обычаев, принятых одобряемых или не одобряемых правил общественного и повседневного поведения. В монографии проводится анализ трактовки преступления и возможных наказаний с позиций наиболее распространенных религий, таких

как христианство, ислам, буддизм, иудаизм, в которых способы и методы уголовного наказания варьируется в зависимости от укоренившихся норм поведения. Особенно, на наш взгляд, этот разный подход появляется в отношении к преступлениям против личности и их трактовки с точки зрения тех или иных конфессиональных канонов.

Наказания с точки зрения общественного договора подвержены и историческому измерению, когда под влиянием кардинальных изменений политического и экономического характера вносятся коррективы. С одной стороны, такое изменение наказаний вполне оправдано. Автор справедливо и убедительно утверждает, что «сейчас мы сталкиваемся с тем, как цивилизация чуть ли не ежедневно создает новые преступления, а обществу, соответственно, приходится придумывать (искать) новые способы борьбы с этими проявлениями» (с. 114). С другой стороны, попытки выработать единый подход по отношению к преступлению (что проявилось в т.н. проклятой лестнице, о которой автор пишет в гл. 3), может быть, даже покушению на национальный суверенитет. Так, принятое под давлением законодательства Европейского Союза решение о приостановлении смертной казни продиктовано другим историческим опытом, и механическое перенесение его на национальную почву бывших союзных республик СССР, ныне независимых государств, вызывает немалое сомнение. Возникает вопрос: а надо ли слепо переносить на свою национальную почву такие щепетильные и специфические вопросы, как формы и виды уголовного наказания?

Среди спорных вопросов, по нашему мнению, — оценка роли религии. «Религия опирается на традиции и обычаи, то есть на опыт сотен поколений, придает ее нормам сакральный характер и тем самым, как правило, превращает их в жесткий стандарт поведения, в обязательный для всех стереотип» (с. 45). Но в реальности мы наблюдаем и противоречия не в самом религиозном учении (хотя они там в самом деле есть), а в поведении служителей культа, которые или уклоняются от оценки ряда щепетильных преступлений, или занимают позицию поддержки государственных решений, с которыми не всегда согласен народ, что особенно наглядно проявляется в функционировании нынешних форм собственности и способов получения доходов.

* * *

Особенно хочется поразмышлять над главой о смертной казни, соглашаясь с выводом автора о том, что *именно в этом виде наказания в наибольшей степени, чем при других наказаниях, с особой остротой проявляется взаимосвязь наказания и нравственности*. В монографии проделана кропотливая работа по осмыслению научной мысли — от Платона и Гераклита до Канта, Гегеля и современных представителей юриспруденции, философии, психологии и социологии. Впечатляет и предложенная всесторонность анализа: роль сознания, и особенно нравственного, в зависимости от культуры того или иного народа, причем со ссылкой на исторические аналогии (с. 176–180). Особое внимание уделяется и религиозным основаниям смертной казни (с. 181, 182), роли традиций по отношению к смертной казни (с. 183, 184), политическим ее аспектам (с. 189–193) и, что особенно привлекает, — анализу здравого смысла (с. 186, 187) и общественного мнения о смертной казни (с. 199–201). Именно такой многосторонний подход позволяет обнаружить многие дискуссионные проблемы, сопоставить различные точки зрения, предложить свою трактовку и свою позицию.

Представляется, что возможен еще один подход — с позиций общественного договора. Хотя автор регулярно упоминает о том, что при принятии законов и при оценке их

функционирования надо обращаться к мнению народа (а не толпы — что очень важно) (с. 201), что нашло отражение в рекомендациях по совершенствованию правовых отношений. И.М. Рагимов постоянно апеллирует к общественному (нравственному) сознанию, что, на наш взгляд, отражает одну из основных идей общественного договора, характеризуя еще одну важнейшую грань при ответе на вопрос о нравственности такого наказания, как смертная казнь.

В книге высоко оценивается вклад философов в обоснование своего отношения к смертной казни. Среди них было немало сторонников ее применения (приводятся суждения Канта, Гегеля) (с. 169–171) и противников В. Соловьева, Л. Толстого, А. Бентама и др. (с. 174, 175). Однако следует отметить, что философский взгляд (как это присуще философии) имеет часто умозрительный, обобщенный и абстрактный характер, нередко вне времени и пространства, без апелляции к конкретике. Да, тогда с этих позиций можно говорить, что нельзя покушаться на такое первостепенное, исходное и важнейшее право человека, как право на жизнь. Но такое же право на жизнь имеет (имела) и жертва. Поэтому привлекают внимание различные предложения, которые предлагают как Т. Мор — наказывать только за убийство человека, а не за экономические преступления, стремиться как Ж.-Ж. Руссо и М. Монтескье при всей их ориентации на человеческое достоинство доказать законность смертной казни. Кант и Гегель считали смертную казнь не просто справедливой и нравственно обоснованной, но в ряде случаев и наилучшим наказанием, что стало основным положением их теории возмездия (с. 167).

При этом особо подчеркнем, что все мыслители от эпохи Просвещения до наших дней пытались решить центральный вопрос как с правовой, так и с нравственной точки зрения: имеет ли государство право лишать человека жизни? (с. 166).

Если исходить из положений общественного договора, что «действительно, с появлением государства человек решил передать ему свое право убивать нападающего на него, говоря: уважайте мою жизнь, защищайте ее; я, со своей стороны, буду точно так же действовать в отношении остальных, то есть и я обещаю никому не отнимать жизнь... Данное негласное, добровольное соглашение между властью и индивидуумом практически означает, что не государству дано право применять смертную казнь, а преступник *потерял право жить*» (с. 167).

В этом отношении интересны соображения о разной реальной практике применения смертной казни в зависимости от особенности национальной культуры, традиций и обычаев. «Каждый народ в процессе своего развития при определении наказания и порядка его применения исходил из нравственных начал своего сообщества» (с. 34). На примере Японии, которая сохраняет смертную казнь, показано, что государство чтит многовековые традиции, ориентируется на устоявшиеся обычаи и не ориентируется на новомодные ориентации, которые сложились в западноевропейском обществе, которое провозгласило отказ от применения смертной казни. Хотя напомним, что государства Европы практически только два века назад отказались даже от такого изуверского способа лишать жизни, как сожжение ведьм на костре (3 июня 1782 г. состоялась последняя в истории Европы казнь ведьмы). Как ни удивительно, но охота на ведьм длилась до конца XVIII в., и судебные процессы над ними были весьма распространенным явлением. Только в Швейцарии в XV–XVIII вв. состоялось около 5000 судебных процессов над ведьмами, по которым 3500 ведьм были приговорены к смертной казни¹.

¹ См.: URL: <https://kulturologia.ru/blogs/130616/29985/?ysclid=lh82q8yif3151000572>

Вместе с тем если люди видят, что государство не гарантирует охрану их жизни, то за личностью остается право отнять переданное когда-то государству свое право кровной мести, если она видит нарушение принципа справедливости, оговоренного и утвержденного в договоре. Но и в современном западном обществе, как, например в США, смертная казнь продолжает существовать. Более того, она оправдывается. Так, в 1975 г. И. Эрлих провел в США регрессный анализ статистических данных об убийствах и казнях и пришел к выводу, что каждая смертная казнь обладает весьма высоким уровнем эффективности и удерживает от преступления еще как минимум восемь потенциальных убийц (с. 187). Иными словами, автор доказывает, что «если нравственность непосредственно или опосредованно определяет характер законодательства, то это обуславливает его адекватность историческому и национальному духу народа, потребностям и интересам людей» (с. 100).

* * *

В рецензируемой монографии содержатся, на наш взгляд, многие оригинальные и новаторские идеи. Хотя рецензия имеет свои пределы, но все же назовем некоторые из них.

Прежде всего это утверждение, что *проблемы наказаний надо рассматривать в рамках не уголовно-правовой, а социальной политики* (с. 111, 112).

Не менее значимы размышления о *соотношении справедливости и гуманизма*. Надо рассматривать принцип справедливости как критерий оценки нравственной сущности государства в отношении к общему благу, в то время как *гуманизм* определяет границы нравственности в отношении отдельной личности (с. 98).

Важна и оценка роли здравого смысла, который нередко воплощается в соблюдении традиций и обычаев, приверженности национальной культуре. Он отражается в общественном сознании, находя воплощение в нравственном поведении, в том числе и в повседневной жизни (с. 163, 186 и далее).

Представляют интерес суждения автора по поводу идей и практики коммунистов в Советской России, которые мечтали, что в будущем обществе преступлений не будет в соответствии с коренными изменениями отношений в новом обществе (с. 111). Более того, автор отмечает, что на второй день существования советской власти была отменена смертная казнь, хотя с началом Гражданской войны ее опять вернули (с. 189). Кстати, такая попытка была предпринята сразу после Великой Отечественной войны, но она просуществовала до 1947 г.

* * *

В заключение формулируем несколько выводов.

Во-первых, существует огромное количество различных умозаключений, суждений и мнений о преступлениях, в том числе о нравственных его аспектах. Но ни значимость той или иной фигуры, ни ее авторитет в той или иной области знания

не отменяет того факта, что в конечном счете это ЛИЧНОЕ мнение, которое сформировалось под влиянием как той среды, в которой жил мыслитель, так и под влиянием индивидуальных социально-психологических, биологических и генетических особенностей. При всей убедительности приводимых за и против аргументов они встречаются не менее убедительные, прямо противоположные аргументы в защиту тех или иных методов (не)наказания. И поэтому ни один из них не может претендовать на истину в последней инстанции.

Во-вторых, мы имеем не менее значительное количество правовых актов, в которых отражена официальная позиция по отношению к наказанию, в том числе и в отношении учета нравственных его аспектов. Они не менее разнонаправлены, многоварианты, используют различные трактовки преступных деяний и соответственно разное законодательство. Более того, имеющиеся случаи копировать «передовой» опыт других стран приводит к казусам, непредвиденным осложнениям и даже к конфликтам (явным или латентным) с основной массой населения. Иными словами, ни одно государство не может претендовать на эталонность своего законодательства по отношению к преступности.

В-третьих, реальное влияние имеет опыт, накопленный религиями, которые имеют меньше расхождений между собой по отношению к различным видам преступлений, чем в государственных решениях, ибо они в большей степени аккумулируют многовековой опыт по отношению к преступлениям, опираясь на традиции и обычаи народа, в том числе, когда речь идет об особенностях жизненного мира того или иного народа.

В-четвертых, следует руководствоваться положениями общественного договора, которые ориентированы на то, чтобы согласовать устремления и цели народа с государственными решениями. Народ будет всегда поступать так, как ему кажется справедливым. Именно исходя из постулата справедливости, который в значительной степени обусловлен здравым смыслом, люди будут поступать (явно или скрыто), что им кажется наиболее рациональным и необходимым. И в конечном счете добьются своего. Это касается и такой острой темы, как смертная казнь, на которой настаивают граждане Российской Федерации. По данным социологических исследований, около двух третей (72%) считают, что ее применение является необходимым, а опыт европейских государств навязанным, построенным на политической целесообразности, а не на сущностном подходе.

В-пятых, смертная казнь должна быть в политике любого государства, когда речь идет о покушении на жизнь другого человека, в то время как другие преступления могут быть подвергнуты другим способам воздействия, исходя из исторического опыта, культуры, традиций и обычаев каждого народа. Именно этим жизнеутверждающим началом пронизана рецензируемая монография.

Сведения об авторе

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич — член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета; 125047 г. Москва, Миусская пл., д. 6

Authors' information

TOSHCHENKO Zhan T. — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Supervisor of the Faculty of Sociology of the Russian State University for the Humanities; 6 Miusskaya square, 125047 Moscow, Russia